

ЧУДЕСА
КАК ПРИЗНАК
ЖИЗНИ

Петр Давыдов

Петр Давыдов

Чудеса как признак жизни

«Вольный странник»

2019

УДК 821.161.1-322.2Давыдов
ББК 84(2=411.2)6-44

Давыдов П. М.

Чудеса как признак жизни / П. М. Давыдов — «Вольный странник», 2019

ISBN 978-5-6041696-5-0

В авторский сборник Петра Давыдова вошли его новые произведения и рассказы, опубликованные на сайте pravoslavie.ru. Путешествуя по России и зарубежью, автор стал свидетелем чудес — больших и малых. Он записал истории о непростой жизни, порой в нелегких условиях, где герои не перестают верить, надеяться и любить. Каждый прожитый день этих людей еще раз подтверждает, что с Божией помощью возможно все, в том числе и чудо. А чудеса — неотъемлемая часть христианской жизни, которую может увидеть каждый из нас — стоит только присмотреться и оглянуться вокруг. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-322.2Давыдов

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-6041696-5-0

© Давыдов П. М., 2019

© Вольный странник, 2019

Содержание

Переводчик Юрского периода	6
Остров коровиц	9
Несофринские самаряне	12
Паршивая овца Гётшендорфа. Часть 1	16
Самые человечные бегемоты	18
Немецкий Сигор	19
Паршивая овца Гётшендорфа. Часть 2	20
Как епископ денег лишился	23
Так себе Васко да Гама	25
Наш Дэвид Пертович	27
Молодежь, «дешевые понты» и честные миллионы	29
Крест на родине северной демократии	32
Эгина. Улыбка святого Нектария	39
На Пасху все полиглоты, даже швабы-свечники	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Давыдов Петр Михайлович

Чудеса как признак жизни. Рассказы

© Давыдов П. М., 2019

© Фонд социокультурных проектов «Традиция», 2019

Переводчик Юрского периода

Давно подмечено, наверное с первых дней нашего радостного странствия вне покинутого рая: осудив кого-либо другого кроме себя любимого, человек неизбежно впадает ровно в то же самое, за что осмелился осудить ближнего, а то и похлеще. Закон этот не только духовный, но и самый что ни на есть физический, материальный, осязаемый — последствия осуждения скажутся и на душе, и на теле. «Не судите да не судимы будете» (Мф. 7, 1), «Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он или падает» (Рим. 14, 4). Христос и апостолы говорят о вреде осуждения не только евреям, пришедшим на гору в Галилее, или римским христианам первых лет. Закон о недопустимости осуждения непреложен, как и факт, что чем-либо похвастаться мы, христиане нынешнего века, вряд ли способны перед предками. Разве что грехами, но тут лучше промолчать.

Прививая человеку навыки неосуждения, Бог использует все методы — от жестких, весьма и весьма чувствительных, до не менее доходчивых, но, как бы это выразиться правильнее, методов помягче: часто прибегая к шутке, иронии. Хорошо, если человек найдет в себе силы улыбнуться вместе с Христом и, конечно, попытается исправиться.

Хороший урок мне преподали переводчики. С большим удивлением я обнаружил, что один из главных законов их славной братии — «Не осуждай того, кто переводит, — неизвестно, во что сам вляпаешься». Хм, интересно, думаю. Язык либо знаешь, либо нет, и переводить ты просто обязан хорошо. Так же хорошо, как я, а не как эти вот, которые двух слов связать не могут. Неучи. Ох и издевался же я над ошибками разволновавшихся собратьев! Угу, недолго, правда.

Крестный, родившийся в Париже в семье эмигрантов первой волны, жутко ревновал к моему немецкому происхождению и требовал, чтобы я освоил французский. «Учи, крокодил, французский — пригодится!» — кричал. Я ему орал (по-немецки, разумеется, потому что это еще больше выводило его из себя) в ответ, что успею добраться и до его галльских изысков, и Экзюпери его несчастного прочитаю, благо «Маленький принц» на каждом углу в его Париже продается: «Оставь меня в покое, мне с германскими языками разобраться надо, вот». Тот махнул рукой, но подsunул мне все-таки какой-то учебник: «Хоть в автобусе считаешь. Может, не сразу опозоришься. А вообще, молчи лучше, ладно?» Ехал я, понятное дело, во Францию. По горам погулять, воздухом подышать.

Мне — что, я ж гений, ну почти: языки быстро схватываю. Пока ехали, пару оревуаров освоил. Всё. Бурже отдыхает, Экзюпери стыдливо краснеет, Марсель забился под лавку.

Слабым поводом для снисхождения к писателям и прочим французам послужили Юрские горы¹, красота которых вдохновила в свое время не только археоптериксов с брахиозаврами, но и чуть позднее — путешественника с немецкими корнями. Достойное спокойствие, размеренная мощь древней природной твердыни, музыкальный шум буковых и еловых лесов, которому иногда подпевают серебряные родники и водопады, — для достойного описания требуется Карамзин, ну или кто-нибудь из французов, так и быть.

Кто-нибудь как раз появился — в лице, правда, не француза, а француженки, миловидной юной крестьянки, вышедшей ранним утром из своего домика и радостно потягивавшейся на крыльце. Перед домиком — луг, по которому бродит огромный черный конь. Д'Артаньяну такие в молодости только снились. В смысле — кони, конечно.

Раннее утро. Девушка смотрит с удивлением на вышедшего из горного леса странника с огромным рюкзаком за плечами. Я тоже пялюсь — то на крестьянку, то на ее лошадину непомерных размеров. А у живота лошадины, смотрю, кружатся мухи: какая-то ранка, видимо, зацепился за что-то.

В таких достойных и дружелюбных местах необходимо не только пожелать друг другу доброго утра — надо и парочкой фраз перебраться: о погоде, красоте и жизни. И вообще я кофе выпить не против — сонливость согнать. Завязываю (вежливо) беседу — говорю сей юной пастушке, что, мол, утро доброе, но, похоже, лошадка ваша недомогает. Лошадь, говорю, у вас большая, видимо. И пальцем то в коня, то в девушку тычу.

Так я начал сесть. Знаете, бывает такое, что ты знаешь, что делаешь что-то неправильное, но остановиться уже не можешь. Случилось это и со мной: я понимаю, что вместо «Ваша лошадь больна, мадам» («Votre cheval est malade») говорю «Мадам, вы — больная лошадь» («Vous etes un cheval malade»), причем говорю это с ужасающим немецким акцентом.

¹ Юрские горы — горный массив в Швейцарии и Франции.

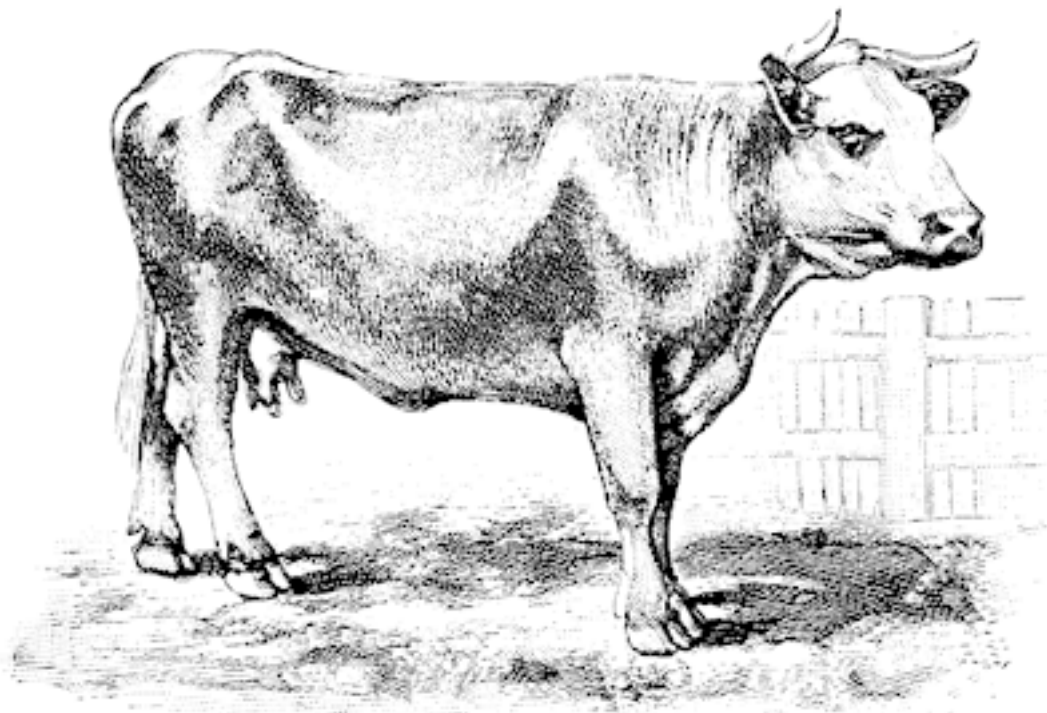
С тем же акцентом можно в русской деревне пропеть «Идет солдат по городу, по незнакомой улице» и получить доброго утра от души.

В общем, я седею от ужаса, проклиная свою лень в изучении французских притяжательных местоимений и призывая на помощь молитвы крестного, а бедная крестьянка оцепенела. Немая сцена. Гутен морген.

Крестный точно молился: девушка как расхохоталась! Стою, цвета меняю от стыда, а она хохочет. Махнула рукой: «Доброе утро! Заходи давай. Устал, поди, с дороги». Зашел, конечно, заизвинялся. Та простила великодушно, кофе с печеньками на террасу поставила. Правда, посмеивалась время от времени, когда я ей про свои странствия рассказывал (от акцента я так и не избавился).

Расстались по-доброму. Она мне на память бутылку местного вина подарила. Мы ее с крестным потом выпили. Еще раз посмеялись над последствиями вавилонской истории, обеспечившей работу армию переводчиков. Которых я теперь ни в коем случае не осуждаю. «Начни хотя бы с них. Лошадь ты, лошадь! — говорит крестный. — Шевалье — два уха».

Остров коровиц

Нет, по-моему, других двух народов в Европе, которые испытывают друг к другу столь интересные чувства, как русские и немцы. У нас — то драка от Кремля до Рейхстага, то дружба: Европу вместе делим или фамилии царские основываем. Вроде бы несовместимы известное наше «авось» и не менее известное их «яволь». А ведь, тем не менее, кто из европейских народов знает недостатки и положительные качества друг друга лучше этих двух?

Для французов Европа кончается за Рейном. Дальше, убеждены они, начинаются земли варваров, пьющих пиво и гогочущих в самый неуместный момент. Ясновельможные поляки опять-таки убеждены: за Бугом проживают неудачные потомки просвещенных славян. И ведь иногда за эту свою убежденность ой как им доставалось: то немцы ходят по Парижу, то русские по Варшаве... То наоборот. Для китайцев, наверное, проблемы взаимоотношений европейцев вообще непонятны: мы для них все на одну широкоглазую физиономию.

Исполненный такими противоречивыми мыслями, я навестил однажды весной своих знакомых в городе-герое Ганновере. Имея богатый опыт общения с немцами и с горечью убеждаясь, что многие из них решительно ничего ни о России, ни о русских не знают, кроме того что им показывают тамошние массмедиа, разговор с незнакомыми, которых мне представляли друзья, я обычно начинал так: «Да, я русский, живу в России, нет, в Москве (город такой) по Кремлю медведи не ходят, пользоваться шариковой ручкой, велосипедом и компьютером умею». Помогает!

Дальше разговор проходил в более располагающей к дружественным контактам атмосфере. Вечерами дело доходило даже до юмора: анекдоты травили. Сидишь перед тремя немцами, рассказываешь в третий уже раз про Вовочку и давишься от хохота. Те тупо молчат: «Когда смеяться?» — «Ладно, проехали, вы свой расскажите». Те аж икают от смеха — такой вот смешной анекдот про Фрицхен, а сам думаешь, что даже Петросян веселее. Пришли к выводу: русский юмор немцам не понять, потому что он бывает слишком мрачным, немецкий юмор нашим лучше не слышать — совсем тяжелый. Ну хоть друг над другом посмеялись. И до сих пор смеемся.

Дошло до того, что попросил один товарищ помочь ему дрова достать. «Есть, — говорит, — у меня домик охотничий в лесу. Надо пару деревьев свалить, дрова напилить. Помогите, а?» О чем разговор, думаю, поехали. Домик и впрямь в лесу. В буковом. Буковый лес по-немецки — «бухенвальд». Во, думаю, попал: что ни слово, то задумаешься. Так или иначе, работал я на немецком лесоповале.

Домик охотничий сильно смахивал на «хрущевку» после ядерной войны — ни тебе раковины, ни туалета. Только буковый лес и спасал... Зато с едой проблем никаких не было: чуть пробрал голод, берешь ружье и идешь на охоту. Кабанов там видимо-невидимо, косуль тоже. По вечерам пиры устраивали. Вот только сама охота в Германии ни в какое сравнение с нашей, русской, по-моему, не идет.

У нас по лесу походить надо, поискать — иногда долго, — пока услышишь, где глухарь токует, или тем более лося увидеть! Немецкий охотник проходит или, что чаще, проезжает пару километров до своего лабаза, поднимается, открывает дверь и окна, достает сигареты и ждет. В трех километрах шумит автобан, чуть дальше виден огромный супермаркет. Из леса выходит к кромке поля косуля. Прошла еще пять метров — всё, ужин обеспечен. Вот и вся тебе зажигательная охота.

Товарищ мой — таксидермист по профессии, чучела делает. Многие охотники просят его сохранить их трофей для следующих поколений. Всего кабана или косулю брать дорого, да и не очень удобно, заказывают у него поэтому головы добытых животных — красиво смотрятся дома на стенах. Так этот товарищ опять попросил меня ему помочь. Выкатил из дома огромный котел, развел огонь и говорит: «Слушай, тут черепа надо бы проварить, на чучела пойдут. Ты последи, будь другом!» — «Ну, парень! Мало того, что в бухенвальде, так еще и черепа варить?! Ладно, давай». Так вот и варил: утром вставал и, вздыхая и кряхтя, танцевал вокруг этого огромного котла. Зрелище, уверяю, не для детского сада: хуже Бабы-яги или фрау Холле.

Немцы в округе, понятное дело, пронюхали, что у них в лесу поселился русский и черепа варит. Смотреть на меня стадами ходили — якобы мимо шли. Иногда в дом заходили — поговорить им хотелось, — пиво с собой приносили.

«Ребята, — говорю, — вы к нам давайте! У нас места знатные, зверя много!» — «Денег нет».

Для немца «нет денег» — это не тогда, когда в кошельке и вправду смерч, а тогда, когда хочется купить еще что-нибудь, но жалко. Привыкли к достатку. Приехал старичок на «мерсе-

десе» и жалуется: пенсия, мол, маленькая. Тебя бы, думаю, по местам боевой славы провезти — по деревням нашим. Там пожалуйся! На сей раз в плен не возьмут — на месте линчуют.

Обратил, кстати, внимание, что немцы, побывавшие в России, относятся к ней с большим уважением. Даже если в плену побывали. Очень любят наших бабушек, очень не любят наши дороги. Разделил с ними мнение. Однажды разговорился с одним тамошним ветераном о войне — тема для немцев болезненная. «Почему с такой мощной армией вы войну продули?» — «А мы города занимали. Ваши-то все сразу в леса подались. Не побежишь же за ними! Время подошло — из лесов и вышли. Не будешь ведь в городе сидеть да ждать, пока хозяева разбираться придут, — вот и отступили. А вообще — правильно вы нас тогда». Кончатся такие разговоры чаще всего слезами и тостами за вечный мир и дружбу. Да и можем мы в мире-то жить — раз уж смеемся друг над другом.

Черепя поднадоели изрядно. Хоть и вареные, а все-таки. В общем, ударился в пасторальную романтику и сельский труд: пошел в батраки. Стал ухаживать за коровами, в поле работать. Так понравилось, настолько втянулся, что и не заметил, как оговоренный срок работы подошел к концу. Говорим вечером на завалинке, наблюдая немецкий закат: «Слушай, мне ж завтра уезжать!» — «Да ну?! Оставайся!» — «Нет, не могу. Хватит с меня вашей романтики».

Взгрустнул хозяин. Потом встрепенулся: «Знаешь что? Покупай корову!» Я, правда, испугался. «Ты чего, — говорю, — совсем устал? Давай уж и седло сразу приладим! Здорово меня дома встретят: от самой границы довезут с коровой. На скорой-то». — «Не, ты не понял. Смотри: покупаешь у меня корову — я тебе выписываю сертификат. Ты получаешься ее собственник. Корова-то здесь пусть остается — я за ней ухаживать буду. Молоко от нее получать. Мол, беру ее у тебя в аренду — проценты тебе идти будут. А ты за ними приезжай в любое время — заодно и подработаешь».

Ну, и настолько меня вся эта затея впечатлила своей оригинальностью и простотой, что я согласился: купил себе очаровательную коровицу бельгийской какой-то породы. Местные совсем обалдели: странные русские не только черепа варят, но еще и коров скупают. Хутор стоит вдали от другого жилья, так я его «Остров коровиц» прозвал. Тут моя коровушка, тут мои сокровища сельскохозяйственные.

Так и ездил потом некоторое время на этот самый «Остров коровиц» — и работал, и с людьми хорошими общался, и просто жизнь узнавал. Интересная она, жизнь. Бывает, даже веселая. И слава Богу.

Несофринские самаряне

Дебил стоял на остановке и приставал к каждому встречному, стремясь обнять и расцеловать.

Глупая улыбка, слюни, сопли, бессвязное мычание — порядочные прохожие в ужасе отшатывались. Особо благочестивые, издавлек приметив паренька, готовили монетку-другую и, увертываясь от объятий, брезгливо подавали, стремясь попасть в раскрытую ладонь счастливого дебила. Привокзальные завсегдатаи — панки, бомжи и прочие сливки общества — веселились вовсю, иногда подбадривая паренька и освистывая тех бюргеров, кому не удалось не испачкаться. Кто-то из холеных прохожих проронил что-то вроде: «Таких раньше у нас подальше отвозили, они порядочным людям жить не мешали». Под «раньше», судя по вздохам и возрасту, подразумевалось старое доброе время тридцатых — сороковых. Паренек ничего не знал ни о тридцатых, ни о сороковых. У него были свои заботы. Какие-то особые, одному ему ведомые. И довольно серьезные. Не зря же он вдруг иногда садился у фонарного столба и начинал плакать, развлекая веселую, но заскучавшую вокзальную публику.

Так продолжалось около полчаса, пока все не замерло в предвкушении давно ожидаемого вопля, ругани и истерики: в сторону дебила шла потрясающей красоты и со вкусом одетая девчонка. Сейчас, когда этот сопливый на нее накинется с объятиями, и визг будет, и истерика, и хохот, соответственно. Дебил кинулся к ней... и остался в ее объятиях: девчонка крепко прижала его к себе, говорила что-то. Слюни стекали по курточке и шарфу — девчонка продолжала говорить полупшепотом. Они, обнявшись, раскачивались в такт, выделявая какие-то па. Приготовившаяся было публика разочарованно закурила свои самокрутки, наблюдая, как дебил вновь сел под фонарь, а за ним подседа и девчонка — «Слюнявая Красавица», как ее уже успели обозвать. Сопливый вновь заревел, уткнувшись в плечо «Слюнявой», которая гладила его по голове. Так они и сидели какое-то время.

Народ глазел вовсю молча. Наконец от группы зрителей отделилось что-то вроде панка и, покачиваясь, приблизилось к двум сидящим на земле. Панк подошел к ним вплотную и встал на колени перед ними. Сделал земной поклон обоим. Когда он встал, он тоже плакал.

Девчонка встала с земли, обняла на прощание несчастного, продолжавшего свое мычание, и ушла — запрыгнула в подъехавший поздний трамвай. Вечерняя жизнь Бремена продолжалась.

Я был в Бремене долго, больше недели. Но, честное слово, единственная, настоящая достопримечательность города — это не собор, не набережная, не мельницы, а этот вот эпизод из вечерней жизни города.

* * *

Вспоминаю время беспечной и вовсе не обеспеченной юности, полной свободы, новых стран, просторов и путешествий. На необеспеченность смотрелось не просто весело, а с вызовом даже: мол, посмотрим, кто кого.

Годы автостопа, ночевки в германских и французских лесах, бельгийских телефонных будках, на шведских кладбищах, полях Люксембурга (не смейтесь — нашел и это), в горах Швейцарии, арабских песках — много всякого было. Хуже всего — это когда не ешь пару дней, не пьешь полдня и спишь на ходу ночью. И жить-то, главное, охота — страсть! Несмотря на буквально съедающий тебя холод. Бывали моменты, когда оптимизм сильно уменьшался.

И вот в один из таких уменьшительно оптимистических моментов, в феврале, под проливным снежным дождем, я пропустил последний уходящий в Данию паром. Всё. Приехали. Следующий — только через пару дней. Ночевать негде, да и не на что. Телефонные будки в Гётеборге открытые — тоже не вариант для ночлега. Мерзкая погода, пронизывающий ветер, мокрый снег, мокрые ноги. Бреду по улицам, стараюсь не смотреть на сверкающие окна кафе и ресторанов, где поедают непостную еду еретики и прочие шведы. Короче, грустно всё. И море бушует.

Вдруг сзади голос: «Ты чего такой пасмурный? Хуже погоды!» С участием кто-то спрашивает, не издевается. Почему бы и не ответить? Так и так, отвечаю, веселый у вас городок. И улыбку, соответственную случаю, продемонстрировал. Получилось! «Слушай, хватит тут помирать, народ пугать. Я тут живу неподалеку — пошли ко мне! Поешь, переночуешь. Я ж вижу, что нелегко». Я, честно, встревожился: «Не-не-не! Я не из “этих”, понял?!» «Не городи ерунды. Все нормально. Помощь тебе предлагаю, понял?» — искренне сказал парень, даже обиделся.

Хотя потом признался, что и понять мою тревогу мог вполне: мало ли там кто по городу ошивается. Впрочем, и меня тоже тогда можно было испугаться: так себе вид. В общем, пригласил меня к себе домой, приготовил потрясающий ужин, после которого мы с ним до полу-

ночи беседовали «за жизнь». Парень оказался из Ирана. «Я, — говорит, — самый настоящий перс! Зороастриец! А ты откуда? О, христианин! Расскажи!» И так далее. Рассказывали друг другу новости-старости из России и Персии, удивлялись, смеялись.

Наутро он отвел меня до автобусной остановки, поговорил о чем-то с шофером, тот моргнул другому — так или иначе, в тот же день я оказался в нужном мне датском городе. Сытый, выпавшийся и довольный жизнью и новым приключением.

Таких вот случаев, когда люди предлагали от всего сердца кров, ночлег и еду, я могу перечислить множество. То ровесник в Будапеште спасает тебя из насквозь промерзшего зала ожидания вокзала, то ночью французский араб подбирает тебя, потерявшего последнюю надежду, на автостопе где-то под Нантом, то супруги-голландцы вытаскивают из реки, куда провалился, то немцы спасают от смерти, — случаев, повторюсь, очень много.

Два случая крепко запомнились. С чеченцами. Первый — самый неприятный — был в поезде из Варшавы в Берлин. В купе оказались четверо: молодой чеченец, англичанин, полячка и я. По натуре я человек не из разговорчивых, поэтому сидел в стороне, в беседу не вступая, — журнал какой-то читал немецкий. А англичанину не терпелось познакомиться с попутчиками — начал выпрашивать соседа. Полячка переводила, благо русским языком владела. Диалог англичанина и чеченца быстро прекратился после того, как последний ответил, в чем же он видит лучшее будущее для своего народа: «Всех русских вырежем — тогда и будет хорошо». Дальше ехали в напряженном молчании: англичанин смотрел в окно, полячка вжалась в кресло, я демонстративно изучал журнал, потом другой. На границе нужно было показать паспорта. Когда юный ваххабит или кто он там есть / был увидел мой российский паспорт, то произнес:

— Брат, помоги, а? Мне сто марок очень нужно. Помоги, брат.

— Не понял. Ты же только что говорил, что для тебя значат русские. Не очень-то, похоже, мы братья.

Тут начались угрозы, которые прекратились с появлением сначала пограничников, а потом и полицейских, уведших попутчика в участок. Впечатление, сами понимаете, не из приятных. И оно, увы, много значило для моего отношения к чеченцам долгое время.

До тех пор, пока в ужасном международном автобусе не познакомился с другим чеченцем. Сказать, что тот автобус ужасный, — ничего не сказать: мертвящий холод на борту, наглые водители, невозможность пересест на другой автобус. Хотя бы просто потому, что нет денег на билет. То есть вообще нет — наглухо. Нет и еды. «Ну, и не в таких переделках бывали, — произнес мой сосед, извлекая из сумки свертки с едой. — Угощайся, парень!» Слово за слово, оказалось, что едет он аж из самого Грозного, убегая от войны (на дворе был тогда 1995 год). Много рассказал, все больше со слезами. О том, что творили сначала дудаевцы, потом другие, сменившие их, «борцы за веру» в когда-то мирной Чечне. О том, как прятались по подвалам, изредка выбегая на улицу, чтобы найти или выпросить у наших солдат хлеба. О том, как попали под наш артобстрел, когда был дан «зеленый коридор» для беженцев... Много рассказал. «В конце концов, — говорит, — спасся чудом. Сейчас вот пробираюсь в Германию, там какие-то дальние родственники живут. Обещали приютить. Вот и еду».

К концу поездки мы почти сдружились. Он с удовольствием угощал припасами: «Иначе нельзя! Мы же соседи!» Я попутно переводил какие-то письма, помогал ему чем мог в дороге, старался, короче, есть его хлеб не даром.

Две ночи в дороге — в конце концов приехали в Берлин, где я должен был выйти. А дальше — автостопом к друзьям и на работу. Чеченцу надо было ехать еще дальше. На прощание мы обнялись, он опять всплакнул. Я вскинул рюкзак на плечи, зашагал прочь от автобуса. Вдруг — голос сзади: «Эй, стой! погоди, дорогой!» Оборачиваюсь: бежит мой чеченец, в руках что-то держит. «Слушай, я ведь все равно скоро приеду, там меня родственники накормят-приютят. Вот, у меня несколько марок осталось — возьми, а? Я же знаю — тебе куда-

то далеко надо ехать! Так что возьми — пригодятся!» Быть попрошайкой — свинское дело. «Не буду я брать ваши деньги, — отвечаю. — Вы что?» — «А я тебе как старший младшему говорю: возьми! Иначе обидишь! Ты меня вон выручил так в дороге — письма мне переводил! Бери, говорю».

Втиснул он мне в карман эти марки, хлопнул по плечу и успел заскочить в уезжавший автобус. Стою я на перроне озадаченный: денег хватит на поезд до друзей. М-да. И поесть даже можно.

Такие вот истории.

* * *

Я намеренно не говорю про помощь от братьев по вере — православных. Намеренно рассказываю о помощи, часто чудесной, от не только не православных, но даже иноверцев-мусульман или язычников-огнепоклонников и вообще атеистов. Вполне допускаю, что годы странствий, этого юношеского «Sturm und Drang»², даны мне были Христом для того, чтобы внимательнее читать притчу не только о блудном сыне, но и о милосердном самарянине.

И я не могу не молиться — дома, конечно же, в своей частной молитве, — о всех тех, кто творил мне благодеяния, кто встречался мне на пути, а то и спасал от смерти. Ведь благодарить людей, делающих нам добро, — это даже не тот «минимум», который заповедан нам Христом, это — ветхозаветная «детскость», которую мы, наверное, должны бы были давно перерастить, научившись молиться и за врагов.

Оттого так резануло вот это свечное: «Мы, православные, молимся только о православных».

А записки с японскими, китайскими и корейскими именами от французских монахинь я все-таки передал священнику в Бари. Тот улыбнулся: «Конечно, будем молиться! Неофициально!»

² «Sturm und Drang» (нем.) — «Буря и натиск».

Паршивая овца Гётшендорфа. Часть 1

Помните профессора-датчанина из «Осеннего марафона»?³ Наивный, смешной ученый-славист Билл Хансен, попавший в ученики к бесподобному Леонову с его «тостующий» и «тостуемый», которые обязательно «пьют до дна», потом залетевший в «трезвователь», откуда его выручал Басилашвили, вызывает добрую улыбку и спустя почти сорок лет с выхода фильма Данелии.

А что, если взглядеться в человека, который сыграл этого профессора, по-настоящему? Оказывается, тут будет место не только для доброй улыбки, но и для настоящего уважения, а то и почтения: совсем уж человек, сыгравший Хансена, не наивен.

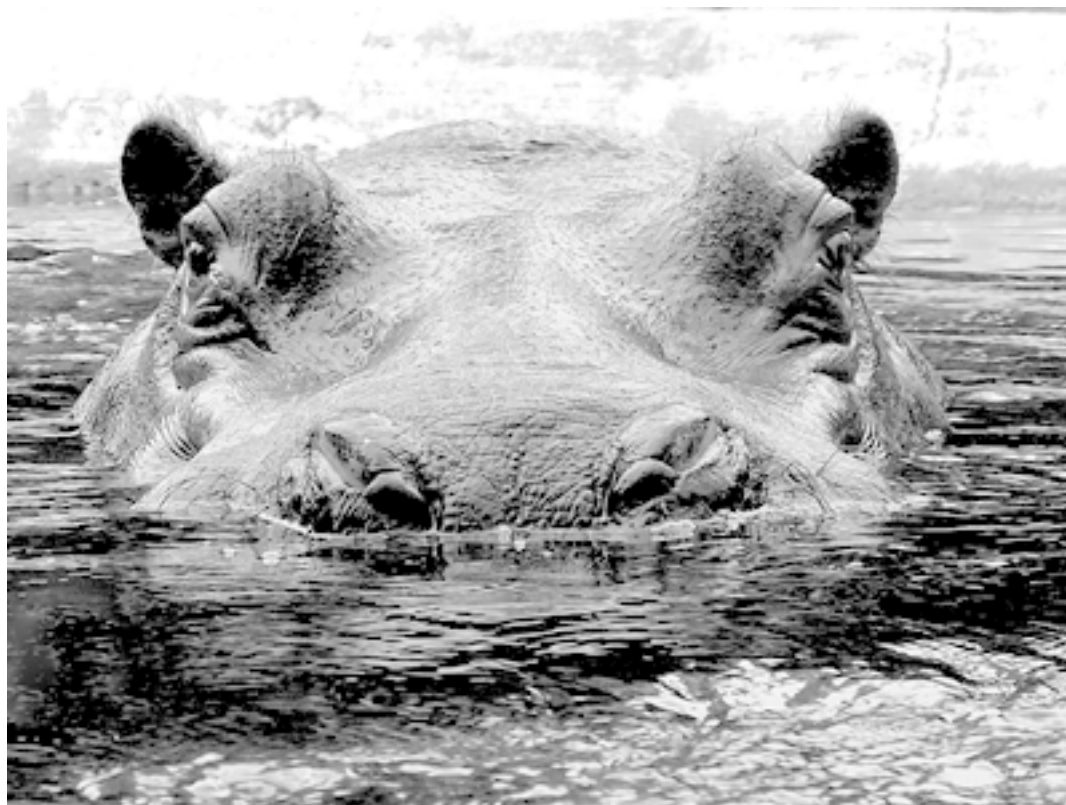
Итак, Норберт Кухинке. Именно он сыграл профессора-слависта. Никакой Норберт не датчанин, конечно, а самый настоящий немец. Причем очень хороший журналист: работал долгое время в «Шпигеле», потом в «Штерне», будучи московским корреспондентом этих журналов в самое что ни на есть «застойное» время, в 70-е годы. Тут он и встретился с Данелией, который пригласил Норберта сыграть в новом фильме.

Никаким растяпой или разиней Кухинке не был, конечно: если уж брался за работу, то делал ее на совесть. И если уж попал в Россию, то изучал ее по-настоящему, научившись отличать наносное, «советское», от подлинного, русского. Поэтому и предпочитал общаться не с советскими чинушами в галстуках, а с нормальными людьми. Чинуши, кстати, по словам Норберта, вызывали в нем отвращение: они утрачивали элементарные связи с действительностью, относясь к человеку только согласно его номенклатурному положению. А вот люди — это да, Кухинке в них просто влюбился. Будучи дотошным журналистом, он, разумеется, не верил официозу и пропаганде, а будучи журналистом честным, не верил ни тому ни другому с обеих сторон. Изучая жизнь России, он ходил по оставшимся православным церквям страны. Искренне верующий человек, он проникся красотой Православия — что эстетической, что духовной — и решил по мере своих сил познакомить с ним своих соотечественников. О том, получилось ли это у Норберта Кухинке, и идет речь сегодня.

³ «Осенний марафон» — советский фильм 1979 г., реж. Георгий Данелия.

Вернувшись из России домой, он взял и построил... монастырь. Самый настоящий. Не сразу, конечно: потребовались долгие годы, чтобы выносить и родить эту идею, чтобы изменились к лучшему времена. Но — взял и построил. Нашел в провинции Укермарк деревушку Гётшендорф, уже успевшую хватить всех прелестей перемен и начинавшую хиреть, купил там дом и, используя свои знакомства и влияние — что в Германии, что в России, — вдохновил людей идеей постройки православного монастыря. Люди, конечно, обалдевали сначала: католик строит православный монастырь! Но потом, проведя пару часов за беседой с Кухинке, во всем с ним соглашались и вдохновение его разделяли. Так и получилось, что ровно десять лет назад глухая немецкая провинция вдруг стала донельзя интересной не только для праздных туристов, но и для людей, занятых серьезными поисками. А искать есть что.

Самые человечные бегемоты

— Всё! Хочу подальше отсюда, — заявила Наташа. — Дышать нечем — желаю воздуха! Кто бы мог подумать, что в зоопарке приятнее, чем снаружи: тут хоть бегемоты с обезьянами вменяемые, а там, за забором, — эти ходят, с флагами радужными.

— Это называется — «Всё передовое человечество радостно встречает прогрессивный закон, принятый в самой лучшей стране мира», — пояснил я. — Вот и ходят с флагами. А бегемоты и правда милее радующихся снаружи товарищей.

В общем, нарвались: приехали в Берлин, а здесь как раз радостно и послушно отмечали известное разрешение американского суда, позволяющее вступать — во что, уж не знаю, но не в брак точно — людям одного пола. Идешь по городу — кругом вот это вот всё: мальчики в чулках и в помаде, девочки непонятно в чем — какое-то силиконовое месиво под радужным флагом, причем агрессивно настроенное. Ладно, ребенок поступил мудро: взял и заснул в своей коляске, а проснулся только у бегемотов, к которым мы ринулись, чтобы «не испачкаться». Людями себя почувствовали в зоопарке — такая вот цивилизация. А до отъезда еще два дня. Ночевать в зоопарке не принято — хочешь не хочешь, а уходить надо.

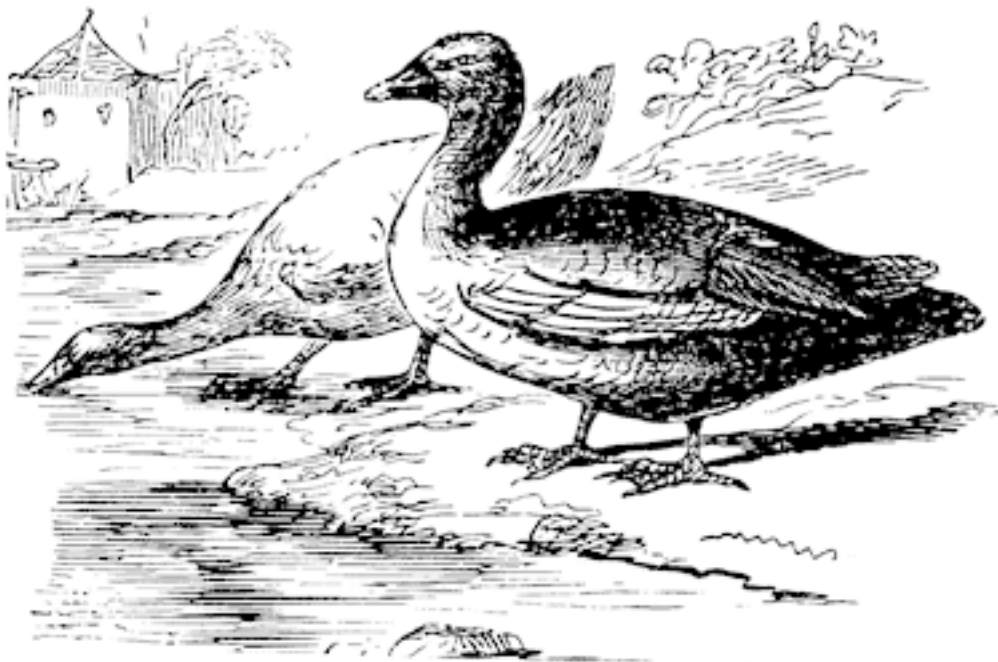
Немецкий Сигор

Так мы решили «угонзати в Сигор». Лот, правда, из меня так себе, особенно в смысле праведности, но хоть немного удалось понять его чувства, когда он жил в известном городке. Противно, доложу вам, донельзя. А если ты с семьей там прописан? Нет, ребята, вон отсюда! В Сигор! Наташа, не в пример Лотовой жене, соляным столпом становиться не хотела, поэтому бежала без оглядки, а я коляску с мудро уснувшим Саввой Петровичем впереди толкал. Слышалось Наташино возмущенное: «Хотела на настоящих немцев посмотреть. Увидела, ага. Хоть один нормальный немец остался вообще?!»

Остался, и не один. Ура! Нашим Сигором оказалась деревушка Гётшендорф в провинции Уккермарк. Огромное спасибо мы должны сказать общине Воскресенского собора в Берлине, что на Hohenzollerndamm, 166: каким-то чудом добравшись сюда через полгорода сквозь веселящиеся толпы непонятно кого, мы узнали, что отсюда едут паломники в Свято-Георгиевский монастырь, расположенный в этой деревне в 70 км от Берлина. Автобус отправлялся рано утром. Нас дружно пожалели и пригласили с собой. Савва Петрович оживился и заорал что-то похожее на «А-а-аксиос!» — после этого сказали, что возьмут бесплатно.

И тут уже началась настоящая Германия, без заскоков. «Речка, небо голубое — это всё мое, родное» — хоть и не про Германию стишок, но, когда вырываешься из ужаса, любое настоящее, нормальное начинаешь воспринимать родным. Правда красиво. Уккермарк впечатляет достойным спокойствием. Тихие деревни, озера, дубовые рощи, а то и хвойные леса, на совесть возделанные поля (о, дядька в поле вылез из трактора и приветственно рукой помахал) — уфф: жива старушка Германия. И когда ты, въезжая в одну из деревень, вдруг видишь новый скромный собор, распахнувший двери, десятки человек вокруг него — дышишь уже полной грудью и понимаешь, что не только жива, но поживет еще, даст Бог.

Паршивая овца Гётшендорфа. Часть 2

В монастыре есть и небольшой огород, и утки с курами. Кормим уток вместе с Саввой Петровичем. Подходит местный, хитро прищуривается:

— Тут знаешь, что раньше было?

— Знаю: дача Геринга!

— Не, потом. Не знаешь! А был здесь учебный центр «Штази»⁴. Ага. Наши мирно себе тут жили, а к этому особняку и к озеру не особо-то нас подпускали. Но мы-то всё знали. Как не знать: стоят на въезде типа незаметные такие автомобили, в них — типа незаметные такие люди в штатском. Наблюдают за передвижением, чтобы, значит, никто из местных сюда не сунулся ненароком. Угу, не знали мы ничего... Тут еще аэродром был неподалеку, тоже секретный, — сейчас-то зарос. Ну вот, а потом, когда «перестройка» случилась, все эти люди в штатском резко вдруг стали инженерами, профессорами и всем таким прочим, короче, быстро себе работу нашли. Мы, конечно, понимающе смеялись. Ладно, чего уж там. В общем, со временем особняк пришел в запустение. Хотели было сначала здесь детский интернат разместить, но ничего не получилось, и дом начал ветшать. До тех пор, пока десять лет назад не передали его Русской Церкви. Сейчас особняк и весь участок вокруг принадлежат православному монастырю — ждем хороших изменений. Говорят, что собираются здесь сделать паломнический центр, гостиницу, кафе и т. д., — надеемся, что всё получится.

— По опыту знаю, что к иностранцам в Германии, особенно в Восточной, отношение весьма сложное. Как местные смотрят на то, что здесь, в Гётшендорфе, появился православный монастырь, да к тому же еще русский?

⁴ Штази — Министерство государственной безопасности ГДР (*нем.* Ministerium für Staatssicherheit), неофициально сокр. Штази (*нем.* Stasi), тайная полиция, контрразведывательный и разведывательный (с 1952 года) государственный орган Германской Демократической Республики.

— Ну, во-первых, русских мы хорошо знаем, с давних пор знакомы, и отношение у нас к ним очень даже ничего себе. Во-вторых, русские здесь не коммунизм устраивают, а с восточной христианской культурой нас знакомят. Чего в этом, спрашивается, плохого? Вот ты знаешь, как они поют, какой у них хор на их службах?

— Ну, имею некоторое представление.

— А мы вообще присели, когда в первый раз в монастырь на службу пришли! Вот это мощь! Красиво поют, душевно.

— Может, духовно?

— Не знаю. Красиво, в общем. И еще: если русские возьмутся за дело по-настоящему, то хоть и долго, но дело-то они до конца доведут. А деревне, да и всему округу позарез нужны и деньги, и рабочие места, и достопримечательности. Чем монастырь не достопримечательность? Значит, если русские будут тут строиться, монастырь будет развиваться, то будут и туристы, и паломники, и т. д. Вот тебе и новые рабочие места для местных. Плюс возможность различных совместных проектов вокруг монастыря, организация всевозможных праздников, конгрессов, встреч. Хорошо, если всё это дело получится.

Мне еще очень нравится, что монахи, которые тут живут, очень открытые. То есть всегда можно к ним прийти, поговорить — они не запираются, не убегают никуда. Спокойно с тобой говорят, рассуждают. Некоторые наши сначала, конечно, побаивались, что, мол, будут тут жить непонятные люди в черном, молчаливые, угрюмые, языка не знающие. А тут оказалось, что монахи с тобой откровенны, уважают твое мнение, работают вовсю, про христианство рассказывают, улыбаются, да еще и немецкий знают. Те, кто не знает, учат — берут уроки у местных, кстати. Мы знаем-то только Евангелическую церковь, Католическую, а тут на тебе: Православие! В общем, скажу так: это нам и интересно, и, думаю, очень полезно. Время покажет.

— Насколько я знаю, очень помог в основании монастыря здесь Норберт Кухинке, ваш актер.

— Точно. Кухинке — наш человек, хоть и из Берлина! Жаль, умер два года назад. Это его идея была — основать здесь православную обитель, и благодаря своей известности, связям он этого добился. Ему очень помогал его друг, господин Гросскопф. Они вдвоем работали. Гросскопф рассказал, как эта идея пришла Кухинке. После того как он был в России, тогда еще в СССР, Норберт мечтал вновь услышать православный хор. Он же у вас не только по «ленинским местам» ездил, когда работал, — он ведь журналист, причем хороший, вот и ходил в церковь. Короче, приехал домой и всё вздыхал. «Хочу, — говорит, — чтобы и в Германии что-то похожее было». Когда перемены случились, появилась и возможность для устройства православной обители. Вот тут Кухинке с Гросскопфом и начали действовать. Купили два домика в Гётшендорфе, жили здесь с семьями, искали возможности для строительства. Что, думаешь, только у вас всё через связи и знакомства решается? Не-ет, это везде так. Через знакомых в администрации Бранденбурга вышли на это вот здание, проект с монастырем поддержал пастор — отец Ангелы Меркель, Кухинке нашел меценатов в России, развил бурную деятельность. Вот так десять лет назад и появилась обитель. Жаль только, что сейчас, как видно, катастрофически не хватает денег на восстановление этого гигантского здания. Но монастырь действует — думаю, что со временем и трудности с особняком решатся. Мне кажется, сейчас очень не хватает такого, как Норберт, — немного сумасшедшего, доброго дядьки, который жизнь положит ради доброго дела. Но жена Норберта, Катя, часто приезжает. Она, кстати, здорово по-русски говорит.

Говорят, что сюда Путин собирается приехать, — наши его ждут! Хорошо бы, конечно, приехал: дела бы у монастыря, да и у всей округи лучше пошли.

— Спасибо. Как вас зовут?

— А тебе зачем?

— Чтобы на ваши слова сослаться, это правило такое.

— Не, не скажу. Я в Гётшендорфе паршивая овца, я, может, стесняюсь. Но за монастырь горой.

Как епископ денег лишился

— Давай съездим в монастырь, — предложил владыка Гавриил. — Там хорошо!

— Какой еще может быть в Голландии вашей монастырь? Разве что памятник какой-нибудь, тщательно охраняемый государством. Но не монахами.

— А вот увидишь!

Час путешествия по голландской зиме — в тот год выпало сказочно много снега, смотрелось здорово, со средневековым каким-то оттенком — и мы приехали в самый настоящий монастырь, где живут и молятся самые настоящие монахи. Все как на подбор самые настоящие голландцы, а не какие-нибудь бельгийцы (нежная любовь друг к другу обоих народов дает повод для шуток даже в таком серьезном месте, как монастырь, и даже в такой серьезный момент, как приезд епископа, — сам-то владыка Гавриил как раз бельгиец).

О православном монастыре Святого пророка Илии в голландском Сент-Хуберте можно и нужно рассказать отдельно и подробно. Рассказ будет, а сейчас мне хотелось бы поделиться тем радостным удивлением, благодаря которому я убедился: оказывается, не всякий приезд епископа на приход / в монастырь — повод для панического букетно-колокольного передвижения по территории, отталкивания неуместно близко стоящих у орлецов и спецковров прихожан, суеты и деловитой беготни иподиаконов, шугающих приходский «актив», и госпитализации перенервничавшего и перерадовавшегося настоятеля в психлечебницу. Оказывается, приезд епископа может восприниматься с настоящей радостью! Да, радость может выражаться даже в добрых шутках. Но шутки были после.

Литургия, которую возглавлял владыка Гавриил, прошла в такой сосредоточенной и внимательной тишине, что даже язык богослужения — голландский — не воспринимался как иностранный: благодаря стройности и строгости службы, а также четкому произнесению каждого слова решительно всё было понятно. Очень порадовало, что храм был полон: были не только монахи, но и жители Сент-Хуберта и близлежащих деревушек. Опять-таки, все — голландцы

и все — православные. Повторюсь: ни малейшего шепота, ни суеты, ни толкотни у свечного ящика — ничего подобного не было. Не было и хождения с подносами вдоль рядов молящихся. Поневоле задавался вопросом: как же здесь пожертвования собирают?

А очень просто и очень спокойно: после литургии, на которой причащались абсолютно все, был праздничный обед в монастырской трапезной и все гости праздника вносили свои пожертвования. Подчеркиваю — все. Владыка Гавриил тоже. «Иначе нельзя! Иначе эти голландцы опять плохо о бельгийцах подумают!» — Демонстративно громко вздохнув, он полез в бумажник под общий смех.

Что обсуждали за обедом? Монастырские дела, кто-то делился новостями приходской жизни, кто-то рассказывал о своей семье, кто-то делился своими горестями или радостями, обращались к епископу за советом. Владыка беседовал со всеми без всякого налета авторитарности и подчеркивания собственной важности: все и так знали, что его сан важен, но никто не лебезил, а уважали его. Это когда в советских газетах писали: «Встреча прошла в теплой дружественной обстановке», непроизвольно ухмыляешься, а тут не до ухмылок было — было и тепло, и дружественно. И даже, знаете, радостно: епископов-то, оказывается, любить и уважать можно, а не бояться. Тут обрадуешься.

Архиепископ Команский Гавриил (де Вильдер) умер 26 октября 2013 года у себя в доме в Маастрихте. Знаю, что отношение к почившему владыке самое разное — от резко негативного до восторженного. У меня нет ни того ни другого: я благодарен ему за ту самую радость, когда я понял, что, когда любят, не боятся и не угодничают, а уважают всерьез. Царствие ему Небесное.

Так себе Васко да Гама

Аделина Мануэль Лопес — бездомный. Бомж, проще говоря. Хоть и португалец. И не очень от этого страдает. В смысле, не оттого, что португалец, а оттого, что бездомный.

Решил воскресить в памяти людей великие дела своих предков — путешественников и первооткрывателей. Поскольку те уже всё что можно пооткрывали и новые континенты, похоже, нам не светят (а то открыли один пару сотен лет назад на свою голову, так до сих пор думаем зачем), Лопес решил вспомнить континент старый. А заодно попасть в книгу рекордов Гиннеса. Что не очень сложно: 18 лет назад он сел на свой велосипед и пустился в странствия по Европе и окрестностям. Просто так. А что? Ни семьи, ни работы, ни прочих обязательств — ищи ветра в поле.

Ветер поносил португальца изрядно, да и потрепал, конечно, тоже. Живет подаяниями — то скудными, то, если какой бургер восхитится и раскошелится, солидный обед себе устроить может. То же с ночлегом: от «наша крыша — небо голубое» до номера в неплохой гостинице со звездами, правда, не небесными. К переменчивости и капризам судьбы привык за это время и на судьбу обиды не имеет: «Оно же как: сегодня плохо, а завтра, глядишь, опять в гору. Тут главное не отчаиваться», — говорит.

Те земли, где побывал, например Эстонию, как и всю Прибалтику, знает плохо: ехал только вдоль побережья. В Хельсинки решил передохнуть пару дней: сердобольные финны и русские туристы молоком с хлебушком делятся. 89 000 километров на велосипеде, считает Лопес, пока мало. Вот и собрался в Китай. «Но только не через Россию! Там очень опасно — там преступники, дикие звери и вообще страшно, поверь мне!» — сообщил доверительно собеседнику.

«Фиговый из тебя Васко да Гама, — вынесла свой вердикт одна из питерских туристок. — Съездил бы да убедился, что всё у нас не так уж и плохо. А то 18 лет болтаешься как это самое, а со слухами справляться не научился. Какой же ты путешественник?» Но на хлебушек пару евро в шляпу положила.

Успехов в Китае, товарищ Лопес!

Наш Дэвид Пертович

Дэвид из австралийского Перта уже третий месяц путешествует по России, не имея при этом, правда, ни малейшего желания попадать в книгу рекордов, устанавливая эти рекорды да и вообще громко заявлять о себе. Не то чтобы стеснительный — скорее скромный. Тихий такой Дэвид Пертович (фамилию мы не спрашивали, поэтому выбрали такую), средних лет дядька, всерьез интересующийся историей и культурой Европы. Встретились с ним в Печорах, оказавшись первыми, кто кроме «Good morning»⁵ может произнести еще что-то на родном наречии путешественника, чем привели его в немалый и благодарный восторг. Понятное дело, разговорились.

Месяца три назад Дэвид, пройдя эти кошмарные мытарства с получением визы (уберите визы, а?), впервые появился в России. «А интересно просто, — сказал. — Прочитал пару ваших классиков, посмотрел несколько фильмов — художественных и документальных — и влюбился в страну. Чтобы любовь не была заочной, явился вот к вам».

Начал с... Башкирии, со Стерлитамака. «Классику оставил на потом. Петербург, Москва, то-сё — это я всегда успею. Захотелось вот посмотреть на Россию провинциальную. Посмотрел и восхитился. Похоже, тот самый менталитет, та доброта, гостеприимство и юмор с меланхолией, о которых речь идет в ваших фильмах и книгах, именно здесь-то, в глубинке, и сохраняются на совесть. Так что езжу, хожу и радуюсь».

Потом уже были Москва и Питер, конечно, — тут Дэвид просто делает большие глаза и заявляет кратко: «Да-а! Это вещь, скажу я тебе!» Но в глубинку тянуть продолжает со страшной силой, поэтому за обеими столицами последовали Казань, Нижний Новгород, Смоленск, Псков, а сейчас вот Печоры.

⁵ «Good morning» (англ.) — «Доброе утро».

Особое внимание Пертович уделяет монастырям: по несколько дней остается здесь ночевать, днем ходит на службы, пытается в силу весьма скромных языковых способностей — что своих, что местных — узнать о христианстве побольше. Иногда получается. Вот, например, в Псково-Печерском монастыре он убедился, что христианство — это не только и не столько архитектура, гимны, ладан, иконы — в общем, не столько внешность, — сколько то, что внутри. «Знаешь, с какой любовью со мной разговаривали монахи здесь? — спрашивает. — Помогали, показывали монастырь, улыбались. Чаем поили, что-то спрашивали, смеялись. Один английский немного знал, так спросил: “Are you searching for God?” (“Ты ищешь Бога?”) Я ему такой: “Sure!” Он и говорит: “Это хорошо. Ищи!” Потом снова чай пили. Хорошо у вас».

На днях Дэвид рухнул. Свалился в темноте с высокого крыльца гостиницы. Лежит не шелохнется. А тут мы подходим. Собственно, так и познакомились. Good evening⁶. Небольшая паника хозяев, поднимание стонущего тела, осмотр, обработка пораненной руки, перевязка, снова чай, пара крепких шуток про австралийского подранка и лишний бокал пива. «Ничего, — говорит, потирая руку. — Шутка, если добрая, иногда больше лекарства помогает. Но свет иногда лучше включать. Да и с пивом, если честно, поосторожнее бы надо». Мы всю голову закивали.

Как-то после очередного похода в монастырь спросил, а что, собственно, интересного есть в Эстонии, которая совсем рядом? Ну, тут мы развернулись всюю: и про Пюхтицу рассказали, про Причудье, Принаровье, про монастыри и красоты местные. Утешили, что и с английским полегче будет. «А люди там хорошие есть?» — спросил. — «Пертович, ты прям как с луны свалился, а не с крыльца. Хорошие люди везде есть. Съезди проверь». Обрадовался, рюкзак стал собирать.

Если встретите на наших просторах — российских, эстонских или еще каких — этого мужика, передайте ему большой привет из Печор. Дэвид Пертович — дядька хороший, добрый. Ищущий. Наш.

⁶ «Good evening» (англ.) — «Добрый вечер».

Молодежь, «дешевые понты» и честные миллионы

— Не, ну не дуры, а?! — заорал Кари, бросая трубку. Трубка разлетелась на асфальте вдребезги. — «Я в офисе привыкла работать!», «Мне на воздухе находиться вредно!», «У вас там земля и негигиенично!» — передразнил он гневно недавних собеседниц. — Тупицы толстые! Кабинеты-офисы им подавай! А клубнику, поди, поедают — думают, поди, что она прямо в упаковке на деревьях вырастает.

Тут скромный финский труженик вновь обрел известное финское спокойствие и обратился ко мне:

— Вот смотри. Весна наступает всюю. Работы, сам видишь, невпроворот. Я один просто не успеваю. Жена не в счет — она бухгалтерией заведует. И так слабая. Вывод: на всё теплое время года я должен нанимать работников, желательно таких, которые от работы не бегают. Желательно понимающих по-фински. Ага, подал объявление в нашу местную газету с таким примерно содержанием: «Требуются трудолюбивые помощники для работы в поле и в лесу». Я человек известный в округе — все знают, что с оплатой не подведу, да и не принято у нас обманывать людей: что заработал — получи. Так ведь не хотят работать-то! Звонят студенты и первым делом спрашивают не о том, что конкретно нужно делать, чем заниматься, а где находится офис, откуда они «будут рулить продажами клубники». Ну постыдились бы хоть немного! Что, так устали от трудов праведных, что только офисным планктоном себя мыслить могут? Совсем сдвинулись. Куда катится Финляндия, ума не приложу. Не, не та нынче молодежь пошла, не та. Вот раньше-то, помню, вставали мы вместе с солнышком и шли с отцом работать... — Дальше начался знакомый многим рассказ про то, как раньше вообще всё хорошо было: и солнце теплее, и зима холоднее, и деревья зеленее — не то что нынче. А молодежь вообще испортилась, никакой на нее надежды не осталось.

Песня-то знакомая, но каждый год Кари дополняет ее новыми куплетами. Кари Каяноя — скромный финский труженик, скромный финский миллионер и фермер по совместительству. Точнее будет сказать, что миллионером он стал, во-первых, из-за того что фермер, во-вторых, потому что скромный, и в-третьих, потому что, несмотря ни на какие новые куплеты в адрес молодежи современной, он ее, эту молодежь, очень даже любит, приглашает к себе на работу и учит уму-разуму, за что молодежь разных наций ему благодарна до невозможности.

Началось с того, что, обнаружив новые способности земли, которой владеет, Кари всю занялся выращиванием клубники. Спрос на нее огромный, ягода вкусная и полезная — почему не заняться, а заодно не заработать? Очень даже можно. В одиночку, как уже говорилось, работать скучно — призвал на помощь сначала соотечественников, а потом уже всех кому не лень. Ну, тех, кому не лень, оказалось значительно больше: в разбалованных соотечественниках-лен-тях Кари сначала сильно разочаровался, а потом смирился: такова, говорит, наша финская селяви. Может, со временем поумнеют — будут приезжать в село. Хотя бы и заработать.

Надежда, между прочим, потихоньку оправдывается: всё чаще стали заглядывать на ферму к Кари гости-соседи из Турку. Кто-то детей привозит посмотреть на настоящую жизнь, кто-то сам вдруг решил приблизиться к природе. И все — обязательно за клубникой. Но в работники так пока никто из соседей не просится — смотрят, как другие работают. Национальная, считает Кари, финская забава. Ну, пришлось попытаться переубедить — не получилось:

— Русские ребята и эстонцы вон как работают — я сам за ними едва поспеваю!

Одно из главных условий благосостояния, уверен Каяноя, — это собственный труд.

— Мне, видишь ли, стыдно было бы жить, получать прибыль, разъезжать по заграницам да курортам, а самому превращаться постепенно в ленивую скотину. Да, деньги, слава Богу, есть, но, во-первых, их наличие всегда призрачно и шатко, а во-вторых, они имеют целью не самолюбование, а правильное ими распоряжение. Я, может, формулу вывел: не человек для денег, а деньги — для человека! — гордо так сообщил, потом раза два еще эту формулу повторил для закрепления.

Это, пожалуй, был единственный случай, когда Кари хоть как-то позволил себе обозначить при других свою, скажем так, платежеспособность: он действительно очень скромный человек. Те брезгливость, глупое тщеславие, чванство, что мы, быть может, привыкли видеть, насмотревшись на иных «обеспеченных», ему не только не присущи, а и вовсе отвратительны. Проще говоря, «дешевых понтов» у Кари нет — есть честный, зачастую тяжелый труд и простодушная доброта. Некую параллель можно было бы провести между ним и киношным героем Форрестом Гампом⁷, когда тот, обладая весьма и весьма приличным состоянием, косил газоны, но в финском случае уровень все-таки повыше — как минимум, интеллектуальный.

⁷ Главный персонаж американского фильма «Форрест Гамп» (1994 г., реж. Роберт Земекис).

Кстати, об интеллекте, «дешевых понтах» и приличии. Как-то Кари имел неосторожность заключить сделку с одним пареньком, обладающим теми самыми неприятными качествами, которые вызывают отторжение. Вроде бы и паренек небогатый, но амбициозный — дальше некуда. Время тогда было, сами помните, лихое: девяностые годы. Паренек этот предложил Кари «заниматься лесом»: были у него какие-то там связи. Каяноя и согласился: почему не попытаться? Да и паренька, говорит, не понял сразу. Так или иначе, первая сделка состоялась, всё получилось. Решили после нее встретиться, обговорить планы на будущее. К чести Кари нужно сказать, что эта встреча была последней: прогнал он этого паренька взашей.

— Почему, — спрашиваю его, — ты так категорически решил расстаться с деловым партнером-то?

— Да всё очень просто, — отвечает. — Девяностые годы, у вас кругом бедность. До сделки парень ездил на какой-то обычной машине. Не сказать, чтобы развалюхе, нет, — просто на обычной. А тут приперся ко мне на ферму на новехонькой «тойоте», костюм лоснится, сигара в пасти — воплощение пошлости и пренебрежения к окружающим. И вот скажи: зачем мне такой компаньон?! Я-то, дурак, думал, он деньги на производство потратит, рабочим условия получше создаст, а он вишь, что выдумал! Не-не-не, не надо мне таких «товарищей»! По мне, так лучше скромно и честно, чем так вот — богато и позорно.

Скромно живя и честно зарабатывая, Кари зимой начинает впадать в финскую тоску: надоедают эти черно-белые зимы. Пить вредно, да и не интересно — они и уезжают подальше. Недавно вот слетали в Индонезию. Приехали — новую историю с гордостью поведали:

— Мы там сидели в ресторане, просто говорили. Все на нас оглядывались. Потом какие-то мужики не выдержали, подошли. Спрашивают, кто мы такие. Мы сначала перепугались, потом говорим правду: финны мы. «Да-а?! А где это?» Ну, попытались кой-чего объяснить. Те вовсю веселятся и просят нас говорить по-фински. Да без проблем! Говорим на родном наречии. А вокруг всё стихло: нас слушают. Закончили мы наш монолог-диалог и спрашиваем: в чем дело-то? Оказывается, местным настолько понравилось звучание финского языка, что они готовы были его слушать без остановки: как музыку его слушали. Вот какой у нас замечательный язык! — возрился он на меня.

— Ну, ты громко так не рассуждай, — прозрачно намекнул я ему, — тут эстонцы, между прочим, рядом сидят, которые своим языком очень даже дорожат. А еще есть русский язык, который тоже музыкален. Хочешь, Ломоносова процитирую?

Поник своей миллионерской головой, забубнил что-то индонезийское. Но гордость его за родной язык я понимаю и приветствую.

Мы видимся с Кари каждый год — не сказать, чтобы закадычные друзья (север требует постепенности и основательности), но добрыми товарищами стали. Да, я спокойно говорю: «Должен съездить — миллионера проведать. Он меня скромности учить будет». И народ уже не удивляется: есть, оказывается, такие люди, для которых деньги — не смысл существования, а способ радовать других. Клубникой, например, — я всегда с собой ящика два привожу детям в подарок от Кари.

Крест на родине северной демократии

— Зато у вас свободы слова нет!

— Да уж побольше, чем у вас.

— У вас невинных артисток в тюрьму упекли!

— А ты не путай «невинных» и «невиновных». Кстати, ни теми ни другими они не являются. Артистками тоже. И вообще, культура страны Достоевского, наверное, достойна более пристального внимания и более глубоких знаний! А повторять вранье ваших западных СМИ не надо — в России наслушался. Ты хоть всю историю-то про этих дамочек знаешь?

Тут собеседник чуть успокоился и признал, что нет, не всё ему известно. Преодолевая тошноту и усталость, я начал рассказывать о некоторых «особенностях» «поклонниц настоящего искусства», устроивших шабаш в храме, музее, магазине... Удивляются, возмущаются, кто-то даже соглашается...

Ну честное слово, не для того я ехал в Исландию, чтобы и здесь, в стране далекой, почти каждый день окунаться с головой в помои, разлившиеся по России-матушке. А вот поди ж ты: и тут тебя эти же самые помои подстерегают! С ужасом начинаешь убеждаться: единственное, что могут сказать твои многочисленные собеседники о России, — это повторение массмедийных заклинаний о русской христианской недоразвитости, дикости и нетерпимости. В России (пока) легче: выльются на тебя помои из какого-нибудь очень свободного, либерального и «независимого» издания — открыть, почитать нормальное можно. Или в церковь зайти, или в лес сходить — отдышаться. А тут — ни тебе газет, где другую точку зрения узнать можно, ни тебе церквей, а лесов в Исландии нет и подавно. Гейзеры тут. Вулканы. Фьорды. Киты, морские котики и птицы — тупики. Ветер. Ради этого вот и ехал. Приехал, называется.

Впрочем, о природных красотах островного государства потом. Сначала признаюсь в том, что соврал насчет церквей: есть они тут. Православный храм в Рейкьявике, столице местной, — единственный на всю страну. Сюда и ринулся после первых встреч с туристической шатией-братией, увеличивающей раза в три население Исландии в летнее время. Нашел церковь очень просто: спросил у пробегающего мимо исландца, где она находится. На успех особенно не рассчитывал: какое дело местным до каких-то там православных церквей. Ан нет.

«Ольдугата, 44! — был ответ улыбающегося парня. — Ты откуда? Из России? Вологда? О, так вы с моей женой почти соседи: она из Архангельска. Для вас такое расстояние — как дорогу перейти. Знаю, знаю я эту церковь. Священник там хороший, сир Тимофей». — «Сир? А почему не лорд или пэр?» — «Ну, у нас так священников называют. Увидимся завтра на службе».

Никольский храм в Рейкьявике располагается на первом этаже жилого дома. Этот дом — десятый по счету, где православные могут встречаться за богослужением. Больше десяти лет решается вопрос о строительстве постоянной церкви: куплена земля, заложен и освящен закладной камень на месте будущей церкви, но, несмотря на всевозможные заявления о поддержке, звучавшие с самого высокого уровня обеих стран, вопрос этот все еще «находится в стадии разработки», — звучит ужасно, как ужасно и само положение. Но прихожане — народ терпеливый. Как сказал настоятель Никольской церкви отец (сир) Тимофей Золотуский, православный приход в Рейкьявике объединяет несколько десятков человек: русских, латышей, исландцев, шотландцев, азербайджанцев, украинцев, поляков, сербов. Насчитали, говорят, больше 16 национальностей. С отцом Тимофеем мы говорили после вечерней службы, за чашкой чая (хоть и Исландия, но чай с ватрушками менять на кофе с галетами какими-нибудь тут никто не собирается). Сама обстановка в общине семейная, добрая.

— Не без трудностей, конечно, но когда в семье, то лучше они, эти трудности, видны и преодолеть их легче, — говорит отец Тимофей. — Поскольку приход молодой, мы еще не доросли до, как бы это правильно назвать, «взрослых» искушений, что ли. Когда, во-первых, нас мало, во-вторых, постоянные трудности с помещением, то, поверьте, не до приходских скандалов и выяснений, кто выше стоит на иерархической лестнице общины. Вам, наверное, это знакомо по тому, как возрождаются разрушенные в богоборческие годы храмы в России: сначала ведь действительно легко работа идет — на душе радость, все чувствуют себя братьями и сестрами во Христе... Это уж потом начинаются «болезни роста» с их скандальчиками, недо-молвками, обидами... Так что мы пока растем. Надеюсь, что окрепнем со временем и у нас хватит сил не только построить храм, но и справляться с всевозможными трудностями.

— Сейчас богослужения проходят в арендованном частном доме, где организован временный домовый храм во имя святителя Николая Чудотворца, — продолжает батюшка. — Стоимость аренды растет из месяца в месяц, повышаясь вместе с индексом инфляции. На аренду помещений у прихода уходит примерно 30 000 евро в год. Слава Богу, покрыть большую часть этих средств нам помогают жертвователи, однако каждый год проблема оплаты аренды помещений для совершения богослужений актуальна. В этой связи очень острым оказывается вопрос начала строительства духовно-культурного центра русскоговорящих соотечественников в Исландии. К сожалению, мы вынуждены ждать, пока городские власти утвердят новый план застройки района, в котором уже два года назад выделен участок под строительство первого православного храма в Рейкьявике. Но мы не сидим сложа руки. Полным ходом идет работа над проектной документацией по храму и культурно-духовному центру. К нам приезжала группа специалистов архитекторов и инженеров-технологов из России, которые вели переговоры с исландской строительной компанией-подрядчиком относительно норм, материалов и технологий, применяемых исландцами в условиях постоянной повышенной сейсмической активности. Ищем деньги на оплату услуг исландской архитектурной компании (по закону это должна быть местная компания), которая готовит наши чертежи и работает от нашего имени с Департаментом планирования Рейкьявика. Так что, как видите, дел у нас хватает. И это радует, слава Богу!

В каждой общине есть что-то свое, неповторимое. Будь то определенный напев или краткая молитва после отпуска⁸, будь то особое прошение, характерное только для этой общины. В

⁸ Отпуск — заключительное благословение народа священнослужителем, произносимое им по окончании богослужения.

вологодских храмах, например, есть отдельное молитвенное прошение о духовном училище, учащих и учащихся в нем. Здесь же, в православной церкви Рейкьявика, часто звучат молитвы о людях, «ожидающих получения виз, вида на жительство, испытывающих трудности с документами и разрешением на работу». Обязательно вспомнят и путешествующих и болеющих. Причем, что доказывает подлинную семейную обстановку в общине, всегда называются имена этих людей.

Как говорит отец Тимофей, судьба большинства эмигрантов здесь очень и очень нелегкая. «Закрепиться» в Исландии довольно сложно. Этому препятствуют и незнание языка, и бюрократические преграды, и экономические проблемы страны. Так что завидовать эмигрантской доле я бы не стал.

И если для многих приезжих из стран бывшего СССР православная церковь, помимо молитвы, просто одна из возможностей почувствовать себя «как дома», в своем кругу, то для тех парней, которые помогали разгружать какие-то диваны, холодильники и прочую гуманитарную помощь для общины, это возможность вновь почувствовать себя христианами. Парни эти — исландцы и шотландцы. Крепкие такие, веселые, рыжие, веснушчатые. И если исландцы в храм пришли во многом благодаря своим русским женам, то шотландцы-то как? Видимо, вспоминают, что христиане они все-таки: кельтских святых, наверное, благодарят.

Интересную картину наблюдал в храме. Задержался в алтаре после службы. Выхожу — перед иконой Богоматери стоит на одном колене шотландец и плачет. Тихо, по-мужски. Так и вспомнишь «Шар и крест» Честертона!⁹ Увидел меня парень — жутко засмутился, но я вовремя, кажется, скрылся, ушел в кухню, где пирожками пахнет вкусно. Честное слово, ради одной вот этой картины стоило приехать в Исландию. Нет, не с пирожками картины, а с шотландцем. Впрочем, по словам отца Тимофея, и местные жители, прихожане исландцы, иногда могут вдохновить своей верой многих людей, для кого христианство часто что-то вроде обычая, а не веры от всего сердца.

Так что впечатление о православной общине Рейкьявика осталось очень хорошим: настоящая христианская семья.

Испытывая надежду на то, что Исландия, хотя и будучи подверженной нездоровым веяниям «прогресса» страной, умеет все-таки хранить свое духовное, культурное и природное наследие, я отправился за подтверждением этой своей надежды. Между прочим, получилось.

— А что это ты всё пешком да пешком? — спросил меня хозяин небольшой гостиницы. — Возьми велосипед напрокат — побольше увидишь всякого интересного. Места у нас красивые. Пешком много ли нашагаешь?

Действительно, поездка на велосипеде по Рейкьявику, его окрестностям и близлежащим фьордам оказалась такой интересной, что, начав свое велопутешествие часов в шесть утра, вернулся я в гостиницу около полуночи. Существует такое мнение о Норвегии: если вам не нравится местная погода, обождите полчаса. Мол, такая она переменчивая: то дождик, то солнышко... Так вот, Исландия в этом смысле фору даст любой стране. Не нравится вам погода здесь — не полчаса, а минут пять подождите. Унылый серый ливень, пригретый Гольфстримом, сменится через пару минут веселой радугой, а грозный металлический цвет воды — радостными солнечными бликами на волнах. А если в этих волнах еще и киты плещутся, а на прибрежных камнях бригады морских котиков балдеют, то, поверьте, очередные минуты непогоды вы встретите даже с улыбкой. Радоваться суровой красоте северной природы вам очень помогает одиночество: несмотря на большое количество туристов, приезжающих сюда летом, вы не так часто будете сталкиваться с любопытствующей публикой, ошалело шипящей фотоаппаратами и пытающейся понять, где же все-таки они сегодня находятся. Для таких туристов есть специальные маршруты, а для задумчивых хмурых одиночек — фьорды и велосипеды.

⁹ «Шар и крест» — роман английского писателя Гилберта Кита Честертона.

Можно взглянуть на всё это великолепие и с высоты. Для этого нужно подняться на колокольню собора Хадльgrimскirkья.

Эта церковь с труднопроизносимым названием была построена в Рейкьявике в прошлом веке. Уходя ввысь на 74,5 метра, она является четвертым по высоте строением во всей Исландии и находится точно в центре столицы, так что ее можно увидеть со всех точек города. Свое название церковь (буквальный перевод: церковь Хадльgrimура) получила в честь поэта и священнослужителя Хадльgrimура Петтурсона. Внешний вид напоминает о гейзерах, которых в Исландии огромное количество. Кстати, описание примерно таких башен можно встретить у Толкиена во «Властелине колец». Известно, что профессор много заимствовал из исландской мифологии для своей трилогии. Интересна и судьба самого Хадльgrimура. Он — что-то вроде исландского Пушкина. Жил, правда, пораньше, в XVI веке. Но стихи писал замечательные, а также psалмы. Потом их уже на музыку переложили. Их, кстати, до сих пор вся страна слушает по радио перед Пасхой. (У нас хотя бы денек вместо рекламы дали бы русских поэтов послушать!) Хадльgrimур поехал учиться со своего острова в Данию, в Копенгаген. Учился он богословию. В то время европейцы вели (небезуспешно) освободительные войны с мусульманами. В ходе одной из кампаний были освобождены несколько сот пленников-скандинавов, проводивших десятилетия в арабском плену. Что может случиться с человеком, прожившим столько времени в неволе? Как он сможет снова начать свободную жизнь? Чтобы бывшие пленники смогли привыкнуть к свободе, осознать, что они снова живут среди христиан — соотечественников, требовались люди, способные помочь им адаптироваться к новым условиям. Петтурсон, обладая характером как сложным, так и авантюрным, с радостью откликнулся на такой призыв и стал миссионером. И здесь, среди соотечественников, возвратившихся из неволи, он встретил свою настоящую любовь, свою жену — Гудридур Симонардоттир. После выполнения своей миссии он вернулся вместе с супругой домой, в Исландию, где они и провели оставшуюся жизнь. Гудридур Симонардоттир — не Анна Керн, не Наталья Гончарова, конечно, но история ее отношений с крупнейшим поэтом Исландии не менее романтична, по-моему. А в смысле нравственном, может, и посерьезнее будет. Впрочем, не знаю точно.

А насчет заимствований Толкиена из исландской культуры можно сказать, что профессор многое взял для своей замечательной трилогии и из исландского языка. Язык этот — наиболее хорошо сохранившийся и почти не подвергшийся никаким изменениям — фонетическим, грамматическим, лексическим и т. д. — на протяжении вот уже тысячи лет. С тех пор как в Исландию впервые попали норвежцы, первые поселенцы, принесшие сюда свой язык, он,

благодаря изолированному положению страны, почти таким же и остался. Это, например, как если бы мы сейчас попали во времена князя Владимира или Александра Невского. «Понеже убо мнози начаша глаголати о вещех в нас известных, разсудися и мне поведати о шествии моем на страну далече... Зри, брате, отца наю: что взяста, или чим има порты? но токмо оже еста створила души своей. Но да сими словесы, пославше бяше переди, брате, ко мне варити мене» — ну, что-нибудь в этом роде можно бы предложить читателю, чтобы почувствовать радость и некоторую оторопь германоязычных гостей, приезжающих на остров и слышащих исландский язык в оригинале. Исландцы — народ консервативный. Не пускают они в свой язык уродливые американизмы! Нет в этом языке таких мусорных слов, как «менеджер» или «спикер», даже для пиццы они свое слово имеют. Так что тем, кому небезразлична филология, было бы, думаю, интересно познакомиться с этой страной. Кроме того, можно представить себе, как звучала на наших русских просторах подлинная варяжская речь братьев Рюрика, Синеуса и Трувора. Кстати, о двух последних: «Sine Hus» — «свой род, свой дом», «Tru Var» — «верная дружина». Видимо, у Рюрика не только братья были. Вряд ли в одиночку он бы смог в Киевско-осетью — без дружины и большого количества соплеменников тут не обойдешься. И Синеусовичей и Труворовичей среди русских князей что-то не было. Рюриковичи — пожалуйста.

Тот человек, кому интересна этнография, будет, возможно, в восторге от некоторых сохранившихся с древних времен народных обычаев исландцев. Например, как они празднуют Рождество Христово и Новый год. У исландцев с давних пор детей с Новым годом поздравляют аж... 13 Дедов Морозов. И как поздравляют! Во-первых, они все братья. Во-вторых, они все тролли. Характер у них ничего себе, и сладости всякие в детские ботинки или гетры, вывешенные на дверях, они кладут, конечно. Но у них есть замечательная мамочка — Грюла. Та еще тетка: берет непослушных детей, тащит к себе в горы и варит их в своем замечательном котле. Если вредная деточка пообещает исправиться, Грюла деточку отпустит. Если нет — приятного аппетита. И никакой тебе ювенальной юстиции.

Кот еще черный по Исландии под Рождество Христово ходит. Если кто-нибудь не приобрел обновку на праздник, то кот этого бедолагу съест, гурман этакий. Любят в Исландии обновки, особенно зимой! Рождественского кота уважают. Но это так, небольшое замечание про разнообразие традиций исландских.

Как путешествовать по стране? Можно, конечно, на велосипеде продолжить странствования. Но тут горы встречаются, а жители русских равнин к такому испытанию должны основательно готовиться. К тому же времени маловато: пока доберешься до северного побережья, улетать надо. Автобусы тут есть. И самолеты летают. Воспользовался сначала местной авиацией — добрался до городка Акюрейри на севере страны. А здесь, на севере, — раздолье. Можно выбрать, куда поехать, куда пойти, что посмотреть, чему удивиться.

Большое вулканическое озеро Миватн со своими островами, которые и появились-то потому, что в свое время кипящая лава в воду попадала, затвердевала и навеки в прежней форме осталась. Птицы и туристы несколько оживляют этот задумчивый пейзаж, особенно птицы.

Водопад Годифосс, где тысячу лет назад собирались альтинги — народные собрания, пример старой, доброй, здоровой демократии. Где всем народом было принято решение о том, что Исландия должна стать христианской. Где всегда радуга и почти всегда птицы. Где шум падающей воды и светлая суровость неба заставляют задуматься над вещами более важными, чем геополитика, ЖКХ и налоги.

Вити, огромный кратер, 300 метров в диаметре. Появился во время мощного извержения вулкана в 1724 году. Извержение продолжалось в течение пяти лет, а лава кипела в жерле еще лет сто. Тут, кстати, никто насчет светлого будущего не зарекается, планов больших не строит. «Живем, — говорят местные, — на вулканах. А ну как завтра-послезавтра, несмотря на все

прогнозы, снова шарахнет? Помните Эйяфьядлайокудль? Во-от! А если опять извержение, так еще и название произнести сможете».

Почувствовать себя где-нибудь на Марсе можно, побывав в долине горячих источников Хверир неподалеку от вулкана Крафла. Желто-серые, даже оранжевые, горы и холмы, напрочь лишенные всякой растительности, пруды с кипящей серой, постоянный, насквозь пронизывающий ветер... Вещь!

Впрочем, тут, в Исландии, всё кипит, не только сера. Есть и горячие водные источники, конечно. И каждый уважающий себя приют для путешественника обязательно будет находиться рядом с таким вот источником. Как баня у нас, в общем. У нас есть банная культура — исландцы все важные дела обсуждают, судьбоносные решения принимают, млея в таких вот источниках. Это особенно интересно, когда на улице даже летом минус пять: заберешься в горячий пруд с головой — только ноздри торчат — и сидишь там часа два, как бегемот.

Объехал я остров с севера на юг, в нескольких городах побывал, во многих деревнях и селах. Основательные крестьяне, скотоводы, рыбаки. Скупы на слова, но открытые — все, как у нас, на севере. Гостеприимные. Многие крестьяне, помимо занятий сельским хозяйством, осваивают еще и туристическое дело. «Во-он дом на берегу стоит, видишь? Это моя гостиница, рядом бассейн с горячей водой. На кухне найдешь еду и кофе. Так что иди устраивайся, а я часа через три подъеду — дела у меня еще тут. Возьму недорого» — так проходило устройство на очередной ночлег в исландской провинции.

Путешествую я много. Часто меня спрашивают, мол, не миллионер ли. Нет, не миллионер. О чем не жалею. Часто мне говорят, почему это всё за границу ездешь? Что, в России мест хороших мало? Приходится отвечать, что и родные красоты для меня не чужие, люблю я ездить по России-матушке. А большое количество путешествий за границу вызвано несколькими причинами. Назову некоторые. Первая причина — финансовая: оказывается, увидеть ту же Исландию для жителя Вологодского края в несколько раз дешевле, чем познакомиться с нашей же собственной областью, не говорю уже о Камчатке, Дальнем Востоке, Урале...

Вторая причина: хочу посмотреть телевизор. Глупое желание? У нас в России — не только глупое, но и болезненное часто. Вы давно по телевизору хороший фильм видели, программу умную? Так вот, то мракобесие, которое льется на нас из телевизора в России, не представимо в любой другой стране. Подчеркиваю — в любой другой. Почему в Финляндии, например, в самый что ни на есть прайм-тайм, то есть часов в 8–9 вечера, я смотрю наш исторический фильм «Русские без России» — на языке оригинала, кстати? Почему о дивных красотах своей Родины я узнаю из немецкого документального фильма «Восточнее солнца»? Почему исландцы, узнав, что я русский, наперебой начинают сыпать крылатыми фразами (по-английски, правда) из таких фильмов, как «Дорогой мой человек», «Девчата», «Приходите завтра», «Девушка без адреса», «Москва слезам не верит»? Почему англичане благодарят русское телевидение за «В гостях у сказки»? И поверьте, это действительно массовое явление.

Третья причина — патриотическая. Несмотря на всякие наши шедевры, столь любезно и самозабвенно показываемые местной публике, от недостатка предрассудков в отношении России она, публика, не шибко страдает. Это уже «благодаря» низкопробным американским фильмам и предельно предвзятым «объективным» новостям местных СМИ. Вот и приходится доказывать, показывать, рассказывать, что не так уж у нас всё плохо. И просить: не вставайте вы, господа хорошие, в позу ментора, не учите жить, не сильно мы вас об этом и просим. Трудностей у нас куча, бед всяких тоже. Вот только злорадствовать по этому поводу не надо. Разберемся сами, даст Бог.

Четвертая причина — христианская. По-новому читаешь слова из Писания о том, как дивно, мудро и красиво устроен созданный Богом мир, когда видишь своими глазами природное подтверждение этих слов. По-новому открываешь для себя Христа, когда видишь, что Он

живет в сердцах людей из других народов, что делает эти народы действительно достойными и неповторимыми. Того же желаешь и нашему, русскому народу.

Съездите в Исландию. Страна маленькая, но расскажет о многом — проверьте сами.

Эгина. Улыбка святого Нектария

«Кризис» по-гречески — «суд». На Эгине, острове, где находится Свято-Троицкая обитель¹⁰, основанная святителем Нектарием, думаешь совсем не об экономическом или финансовом кризисе, а о Суде пострашнее. А еще думаешь о том, что Бог, победивший смерть, — это Любовь и благодаря этой любви, верности и надежде многие святые достигли своего настоящего, небесного Отечества. Когда есть любовь, есть и улыбка. Этой улыбкой святые щедро с нами делятся. Предлагаю улыбнуться вместе с ними — может, они и кризис помогут преодолеть? Настоящий, я имею в виду.

¹⁰ Свято-Троицкая обитель — монастырь Святой Троицы, или монастырь Святого Нектария — греческий православный женский монастырь, расположенный на острове Эгина в Греции. Находится в 6 километрах от портового города Эгина. Современный монастырь основан в 1904 году бывшим митрополитом, святителем Нектарием Эгинским, мощи которого находятся в монастыре.

На Пасху все полиглоты, даже швабы-свечники

Православный шваб¹¹ Карл своим добродушием и неофитской какой-то горячностью заставил немножко перефразировать строчку песенки из знаменитого «За спичками»¹², и у меня получилось: «Здесь живут и ангелы, и грешники простые, оттого они милей вдвойне». Насчет ангелов не знаю, нечасто общался, но православный шваб Карл, переехавший на Эгину на ПМЖ из своего Баден-Вюртемберга, вызывает добрую улыбку, заставляющую забывать о чьей-либо греховности, кроме собственной. Любой улыбнется, наверное, увидев аколуфа¹³-свечника-строителя-дворника и т. д., учащего жизни и правилам поведения в храме всяких там понаехавших — греков, русских, румын, сербов и прочих, не знающих, как правильно поставить свечку, как надо складывать руки перед Причастием и не усвоивших множество других очень важных и необходимых вещей, нюансов и тонкостей. А если активная и немножко грозная ликвидация безграмотности сопровождается ужасающей помесью греческого, кини¹⁴

¹¹ Швабы — немцы, говорящие на особом швабском диалекте (одном из южнонемецких диалектов) немецкого языка.

¹² «За спичками» — советский фильм, реж. Леонид Гайдай. Песня «Облака» (муз. Александра Зацепина, сл. Юрия Энтина).

¹³ Аколуф (*греч.* ἀκόλουθος / akólouthos) — многозначный термин греческого происхождения, означающий «служитель». В Византийской империи военачальник, имевший в своем ведении императорских телохранителей. Также аколуф — прислужник при епископе.

¹⁴ Кини, «койне» (*греч.* κοινή) — форма греческого языка, который появился в постклассической античности (300 г. до н. э. — 300 г. н. э.). Являлся первым общим диалектом и главным предком современного греческого языка, а также — из-за своего воздействия на западную культуру — лингва франка для Средиземноморья. Это оригинальный язык Нового Завета, а также язык обучения и распространения Христианства. Койне был неофициально первым или вторым языком в Римской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.